

Аминта. Пастораль Т. Тассо.

Сценический вариант Романа Мархолиа

Прелюдия. Оркестр играет прелюдию. Во время прелюдии, появляются

Ведущие и персонажи- **Аминта, Сильвия, Дафна, Тирсид, Амур, Венера, Сатир**
Сцена первая.

Амур (*мелодекламация*)

Скажите, кто бы мог из вас подумать,
Чтоб в человеческом облике, под этой
Пастушеской одеждой, бог скрывался?
Наверное не так-то уж легко
Во мне теперь узнает мать-Венера
Амура-сына. Принужден порою
И от нее скрываться, потому что
Она, распоряжаясь самовластно
Хочет, тщеславная, чтоб жил я при дворах,
Чтоб только там, среди корон и скиптров,
Я силу проявлял свою.
Но, не ребенок я! Я бог любви!
Мне, а не ей, дарованы судьбою
Лук золотой и факел всемогущий!
Замыслил я невидимую рану,
Ничем неизлечимую, нанести
Им сердцу целомудренному нимфы,
Жесточе нет которой средь спутниц
Охотницы-Дианы. Тяжела
Пусть будет рана Сильвии,
Как рана та, что уж давно стрелою
Нанес груди я пастуха Аминты.
Я чувства благородные вдохну
В сердца простые, сделаю нежнее

Звук речи безыскусственной.
В одном и том же чувстве
Уравняю я грубых пастухов
С героями, и сельские свирели
Из бузины тогда споют, как цитры
Искуснейшие. И коль угадать
Мать гордая мой замысел не сможет,
Слепой она уж будет, а не я,
Которого в веках несправедливо
Ославила слепым толпа слепая!

Сцена вторая. Дафна и Сильвия. (Дуэт).

Дафна.

Так юность, Сильвия, решила ты
Провести вдали от радостей Амура?

Сильвия.

Тебя пленяют радости любви,
А мне милее радости иные:
Заботиться о луке и стрелах
Иных утех не нужно мне

Дафна.

Я знаю юности упрямство. Раньше
Была и я такою же, как ты.
Но в чем не властно время!

Сильвия.

Пускай с собой и со своей любовью,
Что хочет, то и делает Аминта!

Дафна.

Ненависть откуда
Такая?

Сильвия.

От любви Аминты. Я ненавижу
Его любовь, которая мою

Невинность ненавидит.
Кого зовешь в речах хитросплетенных
Влюбленным, того зову врагом.

Дафна.

Так барана врагом
Ты овечки считаешь,
И врагом телки кроткой - быка?
Всю природу, животных,
И мужчин, и нас, женщин?
Неужель ты не видишь,
Что все любит кругом,
Все полно и блаженства и радости!
Любят хищные тигры,
Любят гордые львы;
Значит, диче ты дикого зверя,
Если грудь не желаешь
Ты открыть для любви!

Сильвия.

Иль, Дафна, замолчи, иль о другом
Заговори, когда ты хочешь, чтобы
Тебе я отвечала.

Дафна.

Поверь мне все же, что настанет время,
Когда раскаяешься ты в этом. Будешь
Источников тогда ты избегать,
В которые гляделась и, быть может,
Собою любовалась: из страха
Себя поблекшей в них увидеть.
Так упорствуй, коль хочешь, упорствуй,
Непокорная!

Сильвия.

Я провожу здесь время в разговорах,
А позабыла, что в лесу дубовом
Должна я быть сегодня на охоте.

Коль хочешь, подожди меня, пока
В источнике я не оставлю пыли,
Которую покрылася вчера,
Преследуя проворного оленя

Дафна.

Не прочь тебя я подождать. Быть может
В источнике я тоже искупаюсь.
Но подумай и о том,
Что поважней охоты и купанья.
До встречи, гордая охотница!

Сцена третья. Аминта и Тирсид. (Речитатив и ария)

Аминта.

Ах, я слышал, как волны,
Как утесы ущелья
Мне на плач отвечали,
Как на плач мой вздыхала листва,
А доныне не слышал
И во-век не услышу
Ни единого слова
Состраданья от той,
Что не знаю, как должен я - женщиной
Или зверем назвать!

Тирсид.

Не приходи в отчаянье; с годами
Львов и гирганских тигров укрощают.
Прошу тебя, однако, расскажи мне
Подробнее о своей любви.
Рассказывай, Аминта.

Аминта. (Ария)

Когда
Я был еще ребенком с одной сдружился
Я девочкой. Прекраснейшей была

Она из всех, что кудри золотые
Когда-либо по ветру распускали.
Ты знаешь дочь Цидиппы и Монтано,
Сердце желанье, Сильвию? Вдвоем,
Делясь забавой и добычей, птицам
Силки мы расставляли, рыбам - сети,
И на лесных охотились зверей.
Но в реках и лесах ища добычи,
Соделался добычею я сам.
Раз с Филлидой
И Сильвией сидел я в тени бука,
Как вдруг пчела, что около кружилась,
Мед собирая на лугах цветущих,
К Филлиде подлетев, ее в щеку
Ужалила, обманутая сходством
Щеки румяной с розой. Боль укуса
Не вытерпев, заплакала Филлида;
Но Сильвия прекрасная моя
Сказала ей: "Филлида, успокойся!
Боль раны маленькой уйму я мигом.
Приблизив с этими словами губы
К ужаленной щеке, она чуть слышно
Какой-то заговор произнесла;
И, силою ли чародейных слов
Иль уст прелестных, сразу боль утихла.
Но в этот миг я, жаждавший дотолпе
Лишь блеска нежного очей прекрасной,
Лишь звука голоса ее, нежнее
Журчанья ручейка между камней.
Почувствовал тут новое желанье -
К ее устам прижать свои. Сделав вид,
Что в нижнюю губу и я укушен,
На злую боль я жаловаться начал,
И сладкого лекарства, о котором
Просить не смел язык, просили взоры,
И прекрасная, сжалась
Надо мной, простодушно
Предложила боль мнимую

Тем же средством унять.
И я так упивался
Этой сладостью нежной,
Тайно смешанной с ядом,
Что потом, притворившись
Будто боль не прошла,
Я заставил красавицу заговор
Вновь и вновь повторить.
К ее плечу склонившись, прошептал ей:
"Горю к тебе я, Сильвия, любовью
И, коль меня отвергнешь ты, умру".
Мои слова услышавши, она
Потупилась, и на ее лице
Стыда и гнева выступил румянец.
Молчанье возмущенное мне было
Ответом. Тут она ушла и больше меня
Ни видеть уж, ни слышать не хотела
Испробовал я все, все, кроме смерти
И я б охотно умер, если б был
Уверен, что в душе у ней любовь
Проснется иль хотя бы состраданье.

Тирсид.

Верь, я добьюсь того,
Что выслушает Сильвия тебя.

Аминта.

Порыв отраден твой.
Так я тебе вручаю
Свою судьбу.

Ведущий. (Хор и балет).

Что бог-дитя связал любовью страстной: Тем песни и сказания
полны, Под кровом ночи ясной, Средь тени и приветной
тишины Очам являем вашим Блеск роскоши и стройный
хоровод. Теперь - да не прервет Никто нас! -

Пропоем мы и пропляшем.
Век золотой, прекрасный!
ТАНЕЦ

Сцена четвертая.

Сатир.

Вот пчелка, хоть мала, а жалом все же
Наносит раны тяжкие она.
Меж тем Амур наносит тоже раны,
И раны эти уж неизлечимы.
О, горе мне! Амура вижу я
У Сильвии в очах. Когда тебе цветы
Я предлагаю яркие, не хочешь
Ты, гордая, их брать. Не потому ли,
Что ярче краски твоего лица?
Когда я сладкий мед тебе дарю,
Его ты не вкушаешь. Оттого ли,
Надменная, что слаще мед твоих
Румяных губ? Но если так я беден,
Что не могу тебе дать ничего,
Что не было б в тебе самой прекрасней,
То отдаю себя я самого.
Зачем же ты смеешься надо мною,
Отказываясь этот дар принять?

К чему, однако, сетованья эти
Напрасные? Для своего спасенья
Возьму насильем то, в чем отказала
Мне Сильвия. Итак, я спрячусь
В кустах прибрежных и ее прихода
Там подожду; в удобное ж мгновенье
Я из засады брошусь на нее.
Пусть тогда вздыхает
И плачет. Жалобы и красота
Уж не помогут ей, когда сумею
Я волосами обмотать ее
Вот эту руку; и не отпущу

Надменной я, пока не отомщу ей.
Сцена пятая. Сговор. (дуэт)

Дафна.

Ты знаешь ведь, Тирсид, как я старалась,
Чтоб полюбила Сильвия Аминту.

Тирсид.

Что ж, разве неспособна научить
Любви ты сотню девушек? Хоть, правда,
Учителя не нужно им: их учит
Сама природа; все же мать и нянька
Природе помогают в том.

Дафна.

Мне сдается,
Что Сильвия не так уж простодушна.
Вчера ее застала я одной,
Сидящею над озером прозрачным и спокойным.
Она склонилась, воду вопрошая,
Как кудри ей расположить красивей
На лбу и покрывало сверх кудрей,
Сверх покрывала ж пестрые цветы,
Что на коленях у нее лежали.
И часто, взявши лилию иль розу,
Она ее прикладывала к щекам
Румяным или к белой шее, краски
Их сравнивая, а потом, своей
Победою довольна, улыбалась.
Я это видела, но промолчала.

Тирсид.

Ничто в твоём рассказе мне не ново.
Не угадал ли все я?

Дафна.

Угадал. Такою
В дни юности моей, поверь, Тирсид,

Я не была. Старее мир; старее ж,
Он делается хуже.

Тирсид.

Скажи, нельзя ли будет так устроить,
Чтоб мог Аминта с ней поговорить
Наедине иль при тебе?

Дафна.

Не знаю:
Уж слишком Сильвия упряма.

Тирсид.

А тот
Почтителен не в меру.

Дафна.

Не при чем
Почтительный влюбленный остается.
Пусть переменит друг твой ремесло,
Коль он таков. Кто учится любить,
Почтительность забыть тот должен. Требуй,
Хитри, дерзай, а если не поможет
Тебе все это - так бери насильно.
Ведь женщина сотворена такой:
Коль прочь бежит - настигнутой быть хочет,
Коль борется - быть хочет побежденной.

Тирсид.

Священной памятью тебя я заклинаю
О свежей юности твоей, о Дафна,
Почтенная, - помочи мне помочи
Ты бедному Аминте.

Дафна.

Чего ж ты хочешь от меня?

Тирсид.

Не нужно
Тебе ни пояснения, ни советов,
Сама ведь знаешь все.

Дафна.

Так слушай. Вскоре
Мы с Сильвией отправимся вдвоем
К источнику Дианы, где платан
Развесистый, тень у воды склоняя,
В приют прохладный приглашает нимф
Охотниц. Сильвия, я знаю, будет
Купаться там.

Тирсид.

Так что же из того?

Дафна.

Что из того? Сам догадайся.

Тирсид.

Понимаю. Только
Боюсь я, что отваги у него
На то не хватит.

Дафна.

У него не хватит?
Дождется он, что хватит у других.

Тирсид.

Вот что, попробуйся,
Идя к источнику, ее разнежить,
А я уж постараюсь, чтоб Аминта
Туда пришел. Вот кажется и он.
Сцена седьмая. *(речитатив)*

Аминта.

Скорей, какие вести: жизнь иль смерть?

Тирсид.

Выздоровление и жизнь, но только
Пойти навстречу нужно им, Аминта.
Мужчиной нужно быть, мужчиной смелым.

Аминта.

Какая смелость мне нужна и против
Кого?

Тирсид.

Коль находилась бы твоя
Возлюбленная средь дубравы, полной
Зверей свирепых и крутою цепью
Скал высочайших огражденной, ты бы
Отправился туда?

Аминта.

Я поспешил бы
Туда быстрее, чем на пляски в праздник.

Тирсид.

А если б у разбойников в плену
Она была, отправился б ты к ним?

Аминта.

Охотнее, чем жаждущий олень
К источнику.

Тирсид.

На большее здесь нужно
Осмелиться.

Аминта.

В чем дело?

Тирсид.

Слушай! Тебя
Возлюбленная Сильвия твоя

Ждет около источника Дианы
Одна и обнаженная. Туда
Отправиться осмелишься ли ты?
Коль ты поступишь,
Как я тебе советую, то счастья
Достигнешь.

Аминта.

А каков совет твой?

Тирсид.

Взять
То, что тебе судьба предоставляет
Благоприятная.

Аминта.

Да не допустит
Вовек Господь, чтобы нарушил волю
Я Сильвии возлюбленной моей.

Тирсид.

Но почему же
Ты против воли Сильвии боишься
То совершить, что ей самой же будет
Потом приятно вспомнить?
Итак, идти ты не согласен?

Аминта.

Нет,
Идти-то я хочу, но не туда,
Куда ты думаешь.

Тирсид.

Куда ж

Аминта.

В могилу,
Когда ты сделал для меня лишь то,

О чем мне рассказал.

Тирсид.

Так пустяком ты

Считаешь это?

Ведь это Дафна, ее кормилица, дает тебе совет

К источнику придти. Наверно, знает она

Те чувства, что в сердце Сильвии?

Но где ж тогда стремление твое

Ей угодать? И если ей приятней,

Чтоб наслажденье получил ты силой,

А не как милость, то тебе ль, безумцу,

Противиться тому?

Аминта.

Но кто же мне

Поручится, что таково ее

Желанье?

Тирсид.

Неразумный, ищешь ты

Уверенности той, которой дать

Тебе ей не угодно и которой

Ты, значит, и не должен добиваться.

Неразлучны. Удача и опасность.

В путь же!

Аминта.

Нет, подожди.

Тирсид.

Чего тут ждать?

Ведь знаешь сам, что время убегает.

Аминта.

Обдумать нужно: делать ли нам это

И как.

Тирсид.

С тобой в пути мы остальное
Обдумаем: кто много размышляет,
Во-век тот не исполнит ничего.

Ведущий. *(Текст с барабанами).*

Великие любви законы. Связь Священная, которую людские
Сердца соединяет чистый пыл; Искусный узел, что не
разрешил Досель никто, и нити дорогие И крепкие; ярем, что
все, склонясь Под ним в свой час, за, нежность восхваляют;
Вы, силою которых управляет Единый дух телами двух
людей, И, наслаждаясь, смертные желают Друг друга до
своей Кончины горькой; свет и украшенья Коротких жизни
дней; Мир, радость, зла высокое забвенья В вас к Божеству
сокрыто приближенья.

Сцена восьмая.

(Ведущие+герой диалог+ ритмы оркестра «античная трагедия»)

Тирсид.

О, девушка жестокая! О, трижды
Неблагодарный пол! Зачем, природа,
Запечатлевши нежным благородством
Наружность женщины, в нее ты сердце
Бесчувственно-надменное вложила!
Ах, бедный! Он себя уже, быть может,
Убил! Расспрошу-ка
Тех пастухов я, что сюда идут.
Не видели ль Аминту вы, друзья?

Ведущий.

Не видели с тех пор,
Как он с тобой ушел. Чего ж, однако,
Ты опасешься?

Тирсид.

Того, что он

Убил себя.

Ведущий.

Убил себя? Но что же
Причиной тому могло бы быть?

Тирсид.

Любовь и ненависть.

Ведущий.

Чего не в силах
Соделать два врага могучих, если
Между собою заключить союз
Случится им! Но говори яснее.

Тирсид.

Любил чрезмерно Сильвию он, нимфу,
И был чрезмерно ею ненавидим.

Ведущий.

Поведай, что ж произошло меж ними?

Тирсид.

Охотно
Поведаю о всем я. От меня Аминта знал,
Что вместе с Дафной Сильвия пойдет
К источнику купаться. Побуждаем
Моей, увы, лукавой речью, он
Отправился туда, колеблясь. Вдруг,
Когда источник был от нас уж близок,
Услышали мы крики, плач и Дафну
Увидели, зовущую на помощь.
Она, лишь нас заметила - "Бегите, -
Нам крикнула, - на Сильвию напали!
Вперед влюбленный бросился Аминта
Пантерой, я за ним, и меж кустов
Увидели мы девушку нагую,
Привязанную к дереву. Косматый

Стоял сатир пред нею и узлы
Последние затягивал.
Дротик выхватив, Аминта
К сатиру устремился, и, жертву бросив, быстро
Враг убежал. Скромно приблизившись,
Аминта молвил ей: "Позволь ты, Сильвия,
Рукам моим: коснуться
Твоих лилейных членов принуждает
Необходимость их; тебя хочу я
От уз освободить, и да не будет
Тебе в обиду милость, что судьба
Дарует этим мне".

Ведущий.

Слова такие
Смягчить могли б и каменное сердце.
Но что ж сказала нимфа?

Тирсид.

Ничего.
Лишь взор, презренья полный и стыда,
Потупила и, как могла, старалась
Грудь "нежную прикрыть. Вслед за тем
Он развязал ей руки, что к стволу
Ее же поясом прижаты были,
Потом нагнулся, чтоб освободить
Ей Ноги, оплетенные ветвями
Зелеными, но Сильвия ему
Сказала гордо: "Отойди, пастух.
Я - спутница охотницы Дианы,
И ноги развязать сама сумею".

Ведущий.

О, как надменно сердце этой нимфы!
За благородное деянье - это
Отплата незаслуженная.

Тирсид.

Он прочь ушел.
Предсказывает сердце мне несчастье:
Я знаю, он хотел себя убить
И до того.

Ведущий.

В обычае у всех
Влюбленных угрожать самоубийством,
Но редкие угрозу выполняют.

Тирсид.

Боюсь я, что он из этих редких!

Ведущий.

Надежды не теряй.
Пантомима (Сильвия, Сатир, Аминта)
Сцена девятая. **Живи, живи, Аминта!** (Трио. Дафна. Аминта.
Тирсид)

Дафна.

К чему, Аминта,
Отчаиваться! Сильвию я знаю:
Лишь стыд, а не жестокость, побудил
Ее бежать.

Аминта.

Отчаянье - спасенье,
Надежда - гибель мне! А все же корни
Пытается, увы, она пустить
К моей груди, и это потому,
Что жив еще я до сих пор. А есть ли
Зло большее, чем жизнь, для несчастливцев,
Как я?

Тирсид.

Живи, живи, Аминта бедный.
Сноси свое несчастье терпеливо,

И счастья ты дождешься: обладанье
Той красотой, что в наготe ты видел,
Тебе наградой будет.

Аминта.

Дай, нимфа,
Мне ее покрывало.
Пусть со мною оно
Будет в кратком пути
До могилы. И пусть же
Видом милым своим
Увеличит оно
Муки сердца: ведь, значит,
Слишком малы они, раз я должен
Увеличить их, чтоб умереть.

Тирсид.

Живи, живи, Аминта бедный.
Сноси свое несчастье терпеливо,
И счастья ты дождешься: обладанье
Той красотой, что в наготe ты видел,
Тебе наградой будет.

Аминта.

Ах, жестокая! В час
Столь тяжелый решилась
Отказать ты мне в даре столь малом.
Снова в этом судьбу я
Вижу злую мою.
Будьте счастливы. Больше
Не вернусь я назад.

Дафна.

Ах, постой же, постой же
Горе! Что за безумье!
Охватило его!

Ведущий. В стране, где нет ни лета, ни зимы, В лучах, среди сапфиров тверди вечной, Счастливы и беспечны Из века в век танцуем, боги, мы. Но, благостью влекомые высокой, Сошли в театр, что ныне вам открыт, Мы с неба, чтоб могли вы На новый и красивый Наш танец посмотреть, - здесь, где звучит Согласно музыка, и тешат око Огни, блестящие из полутьмы.

ТАНЕЦ

Сцена десятая. (речитатив+дуэт)

Дафна.

Горе мне! Ты вот жива,
А он уж нет.

Сильвия.

Как? Ты жалеешь, Дафна,
Что я жива? Меня ты ненавидишь?

Дафна.

Что ты жива, я рада; мне горька
Другого смерть.

Сильвия.

О чьей же говоришь
Ты смерти?!

Дафна.

Бедного Аминты.

Сильвия.

Скажи мне, Дафна, что же было смерти
Его причиной?

Дафна.

Твоя жестокость.

Сильвия.

Тебя
Я не пойму.

Дафна. (дуэт)

Ах, Сильвия, не знаешь, значит, ты,
С какою силою огонь любви
В людской груди пылает, если только
Грудь не из камня, как твоя. Коль знала б
Ты это, полюбила б ты того,
Кому была дороже самой жизни
Ты его отвергла.
В безумьи он бежал, намереваясь
Покончить с жизнью; и себя, наверно,
Убьет он.

Сильвия.

Горе мне! Зачем
Строга была я слишком и теперь,
Понявши это, каюсь.

Дафна.

Что я слышу!
Ты сжалилась? В своем ты сердце жалость
Почувствовала? Что я вижу!
Лишь слезами любви
Быть могут слезы эти. Ты молчишь?
Ты любишь, Сильвия!

Сильвия.

О, если б жизнь могла ему купить я
Своей любовью или жизнью даже
Своей, раз он погиб из-за меня!

Дафна.

Лишь слезами любви
Быть могут слезы эти.
Ты любишь, Сильвия!

Сцена одиннадцатая.

Хор.

Амур, друг мира! Уз незримо-властных
Скрепитель ты, а смерть - их расторжитель!
Восторжествуй над торжеством ее:
Свяжи навеки две души прекрасных
И не отвергни землю, как обитель,
Тем небо на нее переселя.
Верь! небо заменит тебе земля:
Лишь возврати покой в сердца, властитель,
И тысячи безумств, источник мук,
Из них ты изгони - и вечный круг
Изо всего, что преходяще было,
Созиди ты божественною силой.

Сцена двенадцатая. Пантомима (встреча Аминты и Сильвии)

Сцена тринадцатая. (Речитатив).

Тирсид.

Да успокойтесь же, друзья. Известье
О том, что нет в живых Аминты, ложно.

Ведущий.

Ужели это верно? Как ты нас
Утешил! Так с обрыва
Он не бросился?

Тирсид.

Нет, бросился; но счастливым
Его паденье оказалось. Ныне
Покоится в объятиях он нимфы
Возлюбленной, что столь же милосерда
Теперь к нему, сколь ранее была
Немилосерда. Слезы на глазах
Она его прекрасных осушает
Своими поцелуями.

Ведущая.

Действительно ли можно
Все, что Аминта выстрадал, любя,
И плача, и скорбя,
Соделать сладкой сладкою награду? -

Тирсид. Не знаю. Все ж мне этого не надо, Амур,
Других влюбленных награждай страданья
Ты счастием таким;
Молениям же моим
Моя доступней нимфа, ожиданья
Лишь милосердный назначая срок.
Не омрачает рок
Нег наших темной тучею мученья:
Сначала нежное пренебреженье
И нежностью исполненный отказ,
Там - миг сопротивленья -
И мира возродительного час
Венчает наслажденье.

Сцена **Финал.** Апофеоз любви. Хор+ балет.

Эпилог

Венера. От сферы неба третьего сошла я, Его царица и
богиня, чтобы Найти Амура, сына моего. Он, сидя на коленях
у меня, - Нечаянно иль с умыслом, не знаю, - Стрелой
золотой меня внезапно В грудь ранил; тут, бояся наказанья,
Он убежал и больше не являлся. Меж тем я, любящая мать,
на милость Давно уж преложила гнев и сына Везде ищу, но
не нашла его Я ни в одной из всех небесных сфер
Недвижных и вращающихся, так что Осталось лишь у вас,
любезных смертных, Мне поискать проказника. Меж вами Я,
женщины прелестные, его Найти надежды не питаю, ибо Хоть
часто он вокруг вас резвится, часто Стучится в сердце к вам,
прося приюта, Но вашей неприступностью жестокой Навек вы
от него ограждены. Мне думается, он среди вас, мужчины

Учтивые, в сердца которых доступ Всегда ему открыт. И вот, друзья, К вам с просьбой обращаюсь я, скажите: Где сын мой? Будет сладкий поцелуй Тому наградой, кто мне это скажет; А тот, кто приведет его ко мне, Получит то, что слаще поцелуя, То, более чего бы не могло Вам дать и все могущество Амура. Скажите же: где сын мой? Вы молчите?

Быть может, не узнали вы его? Быть может, спрятал крылья он оставил Колчан и лук и пышные одежды? Так я вам укажу его приметы, И уж тогда легко сказать вам будет, Встречали вы его ль нет. Хоть старец Годами он и мудростью, но с виду Ребенком кажется и, как ребенок, Всегда в движеньи. Кудри золотые На лоб его спадают. На щеках - Румянец огненный. В его глазах Уклончивых - и смех и слезы. Нежным И ясным голосом он держит речи Ласкающие. Но в его беспечной Веселости сокрыто вероломство. Вступив смиренным пилигримом в сердце, Час от часу властней он и надменной Становится, привычных выгоняет Хозяев он и новых приглашает И, как тиран, преследует всех тех, Кто замыслам противится его. Теперь, когда я точно описала Амура вам и вид и нрав, скажите ж: Где сын мой? Вы молчите? Так, безумцы, Присутствие Амура между вами Вы скрыть воображаете? Напрасно! Предупреждаю вас, что скоро сила Проявится его в словах, в очах, Во всем обличьи вашем, и тогда Вполне вы уподобитесь тому, Кто, на груди замыслив скрыть змею, Внезапно выдал криками и кровью Ее присутствие. Но раз найти я Здесь, видно, сына не смогу, то прежде, Чем на небо вернуться, я отправлюсь Его искать в других местах земли.